

УЧЕБНИК

SCREENPLAY

2.3.4.А.Р.О.Б.А.Н.А.Р.

16+

Лиза Даль

Screenplay 2. Зачарованная

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Даль Л.

Screenplay 2. Зачарованная / Л. Даль — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

ISBN 978-5-5321-0397-9

Он просто взглянул на тебя с экрана, и этого хватило, чтобы снова вдохнуть жизнь в твой давно уже околевший труп. Ты изучаешь его тайком, стыдясь своего подросткового фанатизма, но чем больше ты узнаешь, тем острее понимаешь, что случайностей не бывает. Создатель всю жизнь играет с тобой как с куклой, и теперь он бросает новый вызов. Или новую приманку? Этот шутник, этот садист создал его специально для тебя и специально поместил его на недостижимую высоту, чтобы в очередной раз поиздеваться над тобой! Твоя извечная борьба с Создателем теперь приобретает поистине космические масштабы, ведь ты намерена отвоевать у него эту звезду. Играем?

ISBN 978-5-5321-0397-9

© Даль Л., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	23
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Глава 1

В Сети, конечно, полно информации о жизни настолько знаменитого человека, так что к концу дня я уже являлась обладательницей внушительного досье на Рональда Шелтона.

Родился, учился, работал. Личная жизнь, увлечения, возраст. Старше меня на... – не успев додумать эту мысль, удивилась ей. Она сравнивала меня и Рональда, а значит, связывала. Убедилась в том, что он действительно не женат, пробежалась взглядом по длинному списку его фильмов, обратила внимание на награды, но это меня не интересовало, мне не было никакого дела до этой голливудской мишуры. То, что действительно заставило меня задуматься, так это он сам, его личность. Из того, что мне удалось разузнать, вывод можно было сделать вполне определённый – Рональд Шелтон трудоголик.

Весь в работе, всегда на съёмках, кроме того, что он актёр, он ещё и режиссёр, и продюсер, и сценарист, и абсолютно неуловим. Создавалось впечатление, что он может быть в трёх разных странах одновременно, одновременно сниматься в двух разных фильмах и в один день посетить три разные премьеры в разных концах света. Оставалось сделать вывод – его до сих пор не сцапала какая-нибудь предприимчивая красотка только потому, что за ним было не угнаться. А может, он именно этого и добивается – не останавливаться ни на секунду, чтобы не увязнуть?..

кого-то это напоминает, да, Елизавета Вертлявая?

Всю свою жизнь он крутился как заведённый – со съёмки на съёмки, с интервью на интервью, с телестудии на презентацию нового фильма, и снова съёмки, съёмки – режиссёры готовы были друг другу глотки перегрызть за него. Оставалось только гадать, когда же он спит и где берёт время на поддержание такой отличной спортивной формы.

Папарацци преследовали его днём и ночью, в Сети было немало его снимков в компании каких-нибудь голливудских старлеток или моделей, но все эти фотографии были довольно старыми и с головой выдавали поверхностный характер его отношений. Ни на одном снимке я не нашла признаков настоящей чувственной привязанности или серьёзной увлечённости. Так, покрасоваться в обнимку с моделью на премьере или провести выходные на пляже. На всех новых фото он появлялся или в одиночестве, или в компании участников съёмочного процесса. Этот факт почему-то вызвал во мне чувство глубокого удовлетворения.

Вечером следующего дня я пила кофе в гостиной и отрешённо разглядывала предмет на столе, задумчиво барабанила пальцами по подлокотнику. Передо мной лежала флешка с его фильмами. Что-то подсказывало мне, что я и двухметровой палкой не должна к ней прикасаться, однако я не могла совладать со своими конечностями – руки сами взяли флешку, и ноги сами отнесли меня в кинотеатр.

о да, я вдруг вспомнила о существовании кинотеатра в своём доме

Единственное, что я могла сделать, чтобы создать перед собой хотя бы иллюзию контроля над своими действиями, так это обставить всё так, будто собираюсь просто посмотреть какой-нибудь незамысловатый фильм за ужином, и попросила Марту накрыть мне внизу.

Наши реальности вновь пересеклись, и мы встретились.

Черты его лица были ценны для меня не только привлекательностью, но ещё и тем, что довольно красноречиво рассказывали мне о его характере. Дружелюбный, но осторожный. Уверенный в себе и несомненно имеет для этого все основания. Рисковый. Любит брать от жизни всё. Натура страстная, увлекающаяся, но благоразумная.

Ох, как он мне нравился. Я с радостью попала бы с ним в какую-нибудь передрагу, выглядывала бы из-за его плеча, пока он ведёт переговоры с плохими ребятами. А потом, после того

как всё уладится, благодарно обнимала бы своего героя, наслаждалась бы сладкой порочностью в его взгляде, слушала глубокий мягкий голос...

Как зачарованная публика следит за порхающими руками мага, пытаюсь разгадать тайну волшебства, так же заворожённо следила я за его жестами, не в силах объяснить себе, что же именно так гипнотизирует меня в его движениях. Этот особенный наклон головы, или внимательный взгляд исподлобья, или вот так немного отведённые назад плечи, или непринуждённый взмах руки, или...

Я готова была следить за ним бесконечно, подмечая каждую мельчайшую деталь. Одних только оттенков улыбки я насчитывала, наверное, тысячу. Вот улыбка широкая, открытая, вот немного застенчивая, улыбка светская, официальная, ободряющая, призванная убедить весь мир в том, что так или иначе всё будет хорошо, улыбка яростная, больше похожая на звериный оскал, или печальная, которая в свою очередь тоже приобретала разные оттенки и могла начинаться с тональности «Светлая грусть» и заканчиваться где-то за пределами «Вселенской скорби», улыбка робкая, неуверенная или, напротив, улыбка победителя. Нахальная, стеснительная, соблазняющая... Разная. И комбинации каждой из этих улыбок, помноженных на ещё тысячу разных выражений глаз... То, что он вытворял со своей мимикой, сводило меня с ума и заставляло с жадностью следить за каждым его движением, но мне всё было мало, и я была подобна наркоману, в котором каждая следующая доза лишь разжигает адский огонь неутолимой жадности.

Я не могла оторвать глаз от Рональда, поэтому ответила, даже не взглянув на экран телефона.

– Алло?

– Ты подлая сука! – прошипела трубка. – Я тебя уничтожу!

Я отодвинула телефон от уха и, моргая, всмотрелась в экран. На заставке светилось улыбающееся лицо звонящего. Я сфотографировала Максима в Ницце, за его спиной виднелся пейзаж морского побережья, мы были счастливы те три дня, что провели там. Озлобленный голос в телефонной трубке резко контрастировал с радостным лицом его иконки. Оставалось только молиться, что его неожиданный звонок никак не связан с тем, что ему внезапно открылась правда обо мне.

пожалуйста, пусть это будет всего лишь обычным припадком уязвлённого самолюбия. Я всё выдержу, всё! Даже если он будет бить меня стулом по спине, даже если будет выкручивать пассатижами мне ногти, я с благодарностью приму это, только бы не...

– Максим, ты что пил?

Внешне Максим казался безобидным и никак не проявлял жестокости ни по отношению ко мне, ни по отношению к другим людям, но всё равно каким-то звериным чутьём я чувствовала, что имею дело с опасным человеком, способным контролировать свои эмоции и свой гнев только до определённого момента, и только надеялась, что он не успел привязаться ко мне. Может, трезвый он и не представляет опасности, но кто знает, что взбрёт в голову пьяному ФСБ-шнику.

– Думаешь, ты, паршивая дрянь, можешь так со мной поступить и продолжить безнаказанно вертеть своей паскудной задницей перед другими мужиками?

– Макс! Ты чего?

– Я тебя уничтожу, сука, – повторил он, еле ворочая языком, и внезапно расхохотался. – Я заставлю тебя ползать, мразь!

– Тебе так плохо, Максим?

Мне даже не пришлось добавлять в голос плаксивости, он и так звучал очень жалко. Мне действительно было страшно.

– Нет! – внезапно расхохотался он. – Мне уже хорошо! Как только представляю тебя без твоих красивых зубов, мне сразу становится очень хорошо!

– Ну, знаешь! Это уже слишком!

– Это не слишком, это только начало! Очень скоро, очень-очень скоро я заставлю тебя пожалеть, – хрипел он мне в ухо.

Я холодела, представляя, как его машина, разрывая мигалками мрак и тишину загородной дороги, мчится к моему дому.

Сколько людей он с собой возьмёт?

Что он со мной сделает?

Всем известно, какой властью наделены сотрудники ФСБ. Об их безнаказанности ходят легенды, но сама лично я знаю несколько реальных историй, от которых кровь стынет в жилах. Что мне делать? Я ведь не думала, что всё зайдёт так далеко! Если бы я с самого начала знала, что из себя представляет Максим, то никогда не связалась бы с ним! А узнав, поспешила исчезнуть.

Наши отношения были игрой, в которой он натянул на себя маску обычного бизнесмена, а я – маску обычной секретарши взбалмошной бизнес-леди. Мы оба не показывали своих настоящих лиц, прятали их каждый по своим причинам, но так вышло, что его первого обстоятельства заставили сорвать свою маску, и я немало удивилась, узнав, кто под ней прячется. Предпочла не дожидаться момента, когда и он увидит моё истинное лицо. Для обычного бизнесмена разгадать это было действительно сложной задачей, но для сотрудника ФСБ, приди ему охота получше узнать свою женщину за её спиной, – проще простого.

может, он уже?..

Боже, вот я вляпалась! Руки колотила сильная дрожь, я надеялась, что хотя бы голос мой будет звучать спокойно.

– Макс, ты пьян как сапожник, поговорим завтра.

– Завтра я тоже буду пьян, милая. Да и ты разговаривать уже не сможешь.

Он просто треплет языком или его угрозы реальны? Всё, что я о нём знала, указывало на то, что он не бросает слов на ветер.

– Вот видишь. Этого я и боялась, – сказала я печально.

– Чего?

– Я знала, что ты алкоголик. А я ведь очень боюсь пьяных, Максим, поэтому мне всегда было страшно рядом с тобой. Я опасалась, что однажды...

– Ты меня боялась?

– Конечно. Я люблю тебя, но ещё больше я боюсь тебя. Понимаешь, мой отец был пьяницей, и когда я была маленькой, он часто...

– Стоп. Ты сказала, что любишь меня?

– Конечно, я тебя люблю, – в голосе моём появилось страдание.

– Почему тогда ты меня бросила?! – плевалась ядом трубка.

– Потому что я боялась, что ты будешь меня бить, – плакала я. – Это так страшно, когда большой сильный мужчина замахивается кулаком...

– Я разве давал тебе поводы для таких страхов? – растерянно соображал он.

– Нет, милый, ты здесь ни при чём. Просто я боюсь всех, кто пьёт. Понимаешь, этот страх, он сильнее меня, он иррационален и непреодолим, это как боязнь высоты или...

– Тебя били в детстве?

– Да, бывало, я даже не могла ходить в школу, потому что лицо было в синяках и...

– Почему ты не рассказывала мне?

– Прости меня, я такая дура, нужно было всё тебе рассказать, я так мучилась эти несколько дней, видел бы ты меня сейчас, такие круги под глазами, я почти не спала, всё думала набрать, ведь ты же сказал, что будешь ждать, и я хотела позвонить, но, когда бралась за телефон, меня останавливали эти картинки в моей голове, этот ужасный кулак, который нацелен мне в лицо... – тараторила я, всхлипывая.

– Я бы никогда не смог ударить тебя, Катенька, – перебил меня Максим. – Я ведь люблю тебя.

– Отец тоже говорил, что любит меня, просто хочет сделать меня лучше. Когда он трезвел, то плакал и гладил мои синяки, но потом он снова напивался и начинал меня воспитывать...

– Он жив сейчас, твой отец? Я убью его!

– Нет, он умер, замёрз пьяный, не смог дойти до дома.

– Очень жаль! Я придушил бы этого ублюдка!

– Его больше нет...

– Я не такой! Я никогда не смог бы ударить женщину! Ты веришь мне?

– Я не знаю, Максим. Ты напугал меня, когда сказал, что выбьешь мне зубы.

– Ерунда! Я просто разозлился на тебя! Ты ведь бросила меня!

– Я не думала, что я так тебе дорога. Мне жаль, что я сделала тебе больно, прости меня.

– Ты просишь прощения? То есть, ты...

– Что за несправедливость, Макс? – рыдала я в трубку. – Почему мы всегда должны страдать из-за людей, которые причинили нам много боли, и почему из-за них мы делаем больно остальным ни в чём не виноватым людям? Эти страхи из прошлого, как с ними бороться? Я не знаю, я такая слабая...

– Я тебя люблю! И я не алкоголик! Я расстроился, мне было плохо. Я больше никогда не буду пить, если ты скажешь, что будешь со мной!

– Правда?

– Правда. Я не алкоголик, и я не бью женщин! Тебе нечего бояться!

– Я так рада! – всхлипывая, я улыбалась.

– Открывай. Я подъехал.

– Но...

Он положил трубку. Я не ошиблась, представляя его машину на пути к моему дому. Боже, что было бы сейчас, если бы я не поговорила с ним?! Если бы просто положила трубку, разозлившись? Телефон снова ожил, подавая сигнал, что машина у ворот требует впустить её внутрь. Я коснулась нужной кнопки. Пока экран телефона отображал разъезжающиеся створки ворот, я покрывалась липким ужасом.

Что, если он мне не поверил? Была ли моя ложь убедительной?

В горле встал комок, гладкий, как галька, я не могла дышать, не могла глотать, не могла даже пошевелиться, но нужно было идти к двери. Нужно набрать Антону! Пусть приезжает и возьмёт людей! Нет! Я могу сделать только хуже! Намного, намного хуже, и Антону, и себе.

Нужно идти. Еле передвигая налитые свинцом ноги, морщась от боли, я спустилась в холл первого этажа и, дрожа, опустилась в кресло. Раньше я не приглашала к себе Максима, и он не мог знать, где я живу, но я не удивилась тому, что он подъехал к моему дому. Разве это проблема для ФСБ? Отследили звонок или ещё что...

Горничная открыла дверь. Максим ворвался в холл, оттолкнув Маргу так сильно, что она чуть не упала, сердце моё болезненно сжалось, но сама я была в ещё худшем положении. Меня, может быть, сейчас вообще убьют. Максима сопровождали двое мужчин с угрюмыми лицами и с тёмными, пустыми, как у ящериц, глазами. Я не встала им навстречу, ноги меня не слушались, повязка на лодыжке служила мне оправданием. Я чувствовала себя уязвимой, будто загнанная лисица. Мой уютный дом моментально превратился в западню, в нору, в которую проникли охотничьи собаки.

– Неплохой у тебя домишко! – мрачно сказал Максим, оглядывая холл и для устойчивости держась за колонну.

Волосы, соль с перцем, взлохмачены и давно немывты, недельная щетина на подбородке. Голубые радужки глаз, контрастируя с воспалёнными белками, кажутся льдинами посреди

огненного океана. Я вспомнила его квартиру. Она конечно тоже роскошна, но ей далеко до моего дома. Не хотелось бы разозлить его ещё больше.

– Это не мой дом, – отмахнулась я. – Откуда бы у меня взялись на него деньги?..

– И чей же? Твоего нового любовника? – он расвирепел от своей догадки, и его лицо, налившись кровью, стало похоже на кусок мороженого мяса.

– Максим, – я позволила себе упрёк в голосе. – Посмотри, я вывихнула ногу. Моя начальница предложила пожить у неё, потому что здесь есть прислуга, которая ухаживает за мной.

– И где же она сама? Эта твоя начальница?

– Уехала в командировку в Брюссель.

– Врёшь! – рявкнул он. – Ты спрятала своего мужика!

– Пусть твои люди обыщут дом, они не найдут здесь ни одной мужской вещи. Если я скрыла мужчину, его вещи я не смогла бы спрятать так быстро, правда?

Максим застыл в нерешительности, сверля меня пьяными глазами. Наконец, его лицо смягчилось.

– Кто здесь ещё, кроме тебя?

– Только я и Марта, – я кивнула на горничную.

– Свободны, – бросил он своим прихвостням. – Приедете за мной завтра.

Я наконец могла дышать полной грудью. Кажется, он не собирается меня убивать. Как только за его янычарами захлопнулась дверь, Максим подошёл и навис надо мной огромной, плавно раскачивающейся горой.

– Я очень скучал по тебе, Катенька.

– Я тоже... скучала, – сказала я, подняв на него глаза.

Какое-то время мы разглядывали друг друга.

– Не нравится смотреть на меня пьяного? – спросил он.

– Я не люблю пьяных, говорила уже тебе об этом. Боюсь их.

– Ничего, Катюша. Сейчас я приду в себя, дай мне две минуты. Эй, – крикнул он забившейся в угол Марте, – сделай-ка мне кофе. И где тут у вас кухня?

Я проводила Максима в столовую. Он рухнул на стул, разбросал ноги, натужно сопя, начал шарить по карманам, недовольно бубнил себе под нос:

– Да где же... мать его... я что, в машине оставил? А, вот.

Он бросил на стол маленький пакетик, достал из бумажника кредитку. Пару минут я с каменным лицом наблюдала за этой отвратительной пьяной вознёй с порошком.

– Осуждаешь? – скривился он, будто кожей почувствовав мой презрительный взгляд.

– Ты взрослый человек, Максим. Тебе решать, что тебе делать со своей жизнью.

– Ну да, – невнятно промямлил он и поднял на меня подёрнутые розовой алкогольной влагой глаза. – Будешь?

– Нет.

– Давай, малышка. Хочу, чтобы мы были на одной волне.

– Нет, – повторила я тем же бесстрастным тоном. – И не называй меня малышкой, мне это не нравится.

Какое-то время он буравил моё солнечное сплетение невидящим тяжёлым взглядом, потом сморщился, оскалился:

– А я сказал, будешь. И без разговоров. Хватит строить из себя невесть что.

– Максим, ты не можешь заставлять меня принимать наркотики.

– Кокаин – это не наркотик, милая. Всего лишь стимулятор. Давай-давай, хочу разбудить в тебе мартовскую кошку, хочу почувствовать тебя. Мы чудесно проведём время.

– Ты, кажется, перепутал меня с одной из своих шлюх. Здесь тебе не бордель.

Я сказала просто так, наугад, но, кажется, попала в точку, потому что он не нашёлся, что ответить. Медленно жевал жвачку, перекачивал её во рту. Как будто голова его была слишком

тяжёлой для того чтобы держать её ровно, смотрел на меня исподлобья. Я пыталась выдержать его взгляд, словно моя жизнь зависела от того, справлюсь я или нет, казалось, если я дрогну, он сорвётся с места и вцепится мне в глотку. И вдруг я разглядела что-то очень страшное в тёмной глубине его зрачков. Меня как будто на секунду засосало внутрь него, и там мне пришлось столкнуться с жестоким и бесчеловечным демоном. Тело сковал холод. Я почувствовала себя как на допросе, не хватало только яркой лампы, развёрнутой прямо в лицо.

– Я знаю, почему ты отказываешься, – заговорил наконец Максим. – Боишься, что язык развяжется, боишься наговорить лишнего. На некоторых кокс действует именно так, может, это твой случай? Не вижу других причин кобениться. Боишься разболтать немножко правды, ммм?

Я разжала челюсти и сказала небрежно:

– Я ничего не боюсь, просто я не употребляю...

– А что, – перебил он меня грозным рыком, – если бы завтра ты очнулась не у себя дома, а в одном из подвалов Лубянки?

Во мне вспыхнула знакомая злость. Она означала, что я напугана до крайности. Всегда злость, когда мне страшно.

– И что бы я там делала? – спросила я ледяным тоном.

– Сидела бы, накачанная пентоталом натрия, отвечала бы на разные вопросы.

– Что это такое?

– Такой специальный укольчик, – ощерился Максим. – Под ним сложно молчать о том, что думаешь, и о том, что знаешь. Поют как птицы, самозабвенно, вытянув шею и запрокинув голову. Просто потрясающе. Ну что, милая, прокатимся завтра?

Хорошо, что мои руки лежали на коленях под столом, их колотила сильная дрожь. Плохо, что под стол нельзя было спрятать и лицо, приходилось за ним следить.

– Куда? – выдавила я.

– Ко мне на работу.

– Хочешь накачать меня какой-то химией?

Максим повёл плечом, будто предоставляя мне самой решить, что именно он имеет в виду.

– Ты мне не веришь? – спросила я печально.

– Нет.

– Зачем тогда ты здесь сидишь? На чём ещё, по-твоему, должны быть основаны отношения, как не на доверии?

– А они на доверии и должны быть основаны, – он подался вперёд, и меня обдало его тяжёлым, густо пропитанным парами алкоголя дыханием. Я еле сдерживалась, чтоб не отвернуться и не поморщиться. Максим продолжал сиплым зловещим шёпотом: – Я, Катюша, ненавижу ложь, она выводит меня из себя. Ты хотя бы понимаешь, каково это – вывести меня из себя, понимаешь, на что это похоже? Будь уверена, это худшее, что может с тобой случиться, но если ты соврала мне, боюсь, именно это и произойдёт. Ты сказала, что любишь меня, было такое?

– Да, – хоть я и еле дышала от страха, но оступить было бы самоубийством.

– Так вот, завтра мы узнаем, правда это или нет. Я хочу быть уверен в тебе, милая.

– Хорошо, – сказала я, надеясь, что завтра не наступит никогда.

– Если вдруг я забуду, напомни мне убрать ствол подальше, а то ведь дело такое... После того случая стараюсь не брать его с собой на ммм... переговоры. – Максим замолчал, сжимая кулаки. Потом расслабился, достал из бумажника купюру, начал скатывать её в трубочку. Бормотал: – Видела бы ты его лицо, Катюша, не лицо, а кусок мяса, и не поймёшь, где там, в этом месиве, глаза, а где нос. Сидит, еле дышит, всего трясёт от сыворотки, прям видно, как мозги кипят. Судороги, конвульсии. Пускает кровавые пузыри, воеет, но держится. «Ну, – спрашиваю

в который раз, – говорить-то будем?» И тут он очень медленно поднимает голову, посреди мяса раскрывается глаз, потом рот, и он хрипит: «Вам, шакалам проклятым, всем как баранам головы отрежут». Через секунду его мозги висели на стене...

Максим поднёс свёрнутую купюру к лицу, вдохнул одной ноздрёй, потёр нос, затем второй. С интересом уставился на меня, наклонив голову вбок.

– Как думаешь, почему я выстрелил? – спросил он, а я заметила, что в глазах его нарастает какой-то странный стеклянный блеск. – Потому что разозлился? И поэтому тоже, Катюша, но ещё и потому, что я испугался. Такая нечеловеческая выдержка, как будто передо тобой робот... А они и не люди, Катюша, не люди, – зашипел он, брызгая слюной. – Да и я не человек. Из нас делают машины, просто машины, неспособные на эмоции. А как иначе работать? Иначе с ума сойдёшь. И эта дрянь, – кивнул он на горку порошка, – тоже только для того, чтобы не сойти с ума. И коньяк, и виски тоже только для этого... Думаешь, я чудовище? Не буду тебя разубеждать, я сам боюсь того, чем стал... Знаешь... Тебе приходилось когда-нибудь убивать ребёнка? Маленького мальчика лет двенадцати? Приходилось стрелять ему в голову, чтобы он не выстрел в твою? Этих зверёнышей с пелёнок натаскивают, как собак... Много я повидал, Катюша, очень много, и у нас здесь, и в командировках в горячих точках. Жалею иногда, что жив до сих пор, такие мысли в голову лезут, такая дрянь по ночам снится... Но кто-то должен это делать, чтобы вы жили спокойно. И ты, милая, и все остальные..

Преисполненная глубочайшего омерзения, отвернувшись, ненавидя его всей своей спиной, я без сна лежала рядом с всхрапывающим Максимом. Ну и чего я добилась? Выиграла немного времени? Я ведь не собираюсь жить с ним? Опять скрываться, прятаться... Где? В другом городе? В другой стране? Но я так люблю свой дом, люблю Москву, у меня здесь все друзья, все полезные знакомства, в конце концов, здесь вся моя работа. В голове у меня были идеи новых проектов, которые я частично уже начала реализовывать и потратила на них кучу сил и нервов. Стоило мне оставить свою мошенническую деятельность, стоило заняться легальным бизнесом, как на моей честной жизни снова пытаются поставить крест. Проблема.

Подумаю над этим внизу, не могу больше находиться рядом с ним. Я не стала включать ночник, побоявшись разбудить похрапывающее тело. Набравшись смелости, спустила ноги вниз, в ужасающую прикроватную черноту, дыхание тут же перехватило. Темнота – это, наверное, единственное, чего я боюсь, но зато боюсь так, словно в этом страхе сосредоточились все остальные возможные. Может, дело в крысином подвале, в котором я чуть не умерла в детстве, может, в чём-то ещё. Так или иначе, темноты я боюсь до умопомрачения, до потери сознания, ничего не могу с собой сделать.

А однажды вообще.

Глава 2

– Антон, можешь приехать? – изо всех сил сохраняя спокойствие, но всё же трясясь всем телом, выдохнула я в телефон.

Даже не видя его, я почувствовала, как он напрягся. Никогда прежде я не приглашала его в гости, он сам приезжает, когда ему вздумается, но вот тогда, года два назад, впервые позвала его.

– Что случилось?

– Ну... – переминаясь с ноги на ногу, я пыталась придумать повод, но в итоге решила сказать правду: – Мне страшно.

– Тебе кто-то угрожает? – осторожно спросил он.

– Нет. Простой приезжай, пожалуйста.

– Заметила слежку? Кто-то следит за домом?

– Да нет же! Всё в порядке, просто мне страшно!

– Ты можешь толком сказать, в чём дело? Мне брать ребят? Звонить кому-нибудь?

– А ты можешь перестать задавать мне дурацкие вопросы?! – сорвалась я. – Я же попросила просто приехать!

– Двадцать минут, – отрезал он, и меньше чем через обозначенное время я уже открывала ворота.

Никогда ещё я не была ему так рада и повисла у него на шее, едва он переступил порог.

– Привет, чего так долго?

– Лизавета, ты в своём уме? – спросил Антон, озираясь по сторонам. – Я доехал за пятнадцать минут!

– Мне показалось, ты ехал целую вечность, – бубнила я, стряхивая снег с его растрёпанных волос.

– Намекаешь на то, что нам пора обзавестись вертолётom?

– Нет...

Всё ещё озираясь, он позволил себе сальную ухмылочку:

– Может, на то, что нам пора жить вместе?

– Ладно, не придуривайся. Давай пальто.

Он снял туфли, и мы прошли в холл.

– Сделать тебе чай?

– А почему сама? Где Марта?

– О, она уехала на неделю к детям. Её уже дня три нет. Поэтому я и позвала тебя, мне так страшно находиться тут одной.

– Чего ты раньше не позвонила? Могла бы пожить у нас.

– Раньше мне не было страшно.

– Точно всё в порядке? Кто тебя напугал?

– Никто. Просто посиди со мной.

Он снова окинул холл подозрительным взглядом и уставился мне в лицо. Сказал:

– Кстати, звонил Гоша, передавал привет. Я ему от тебя тоже передал, ты же не против?

– Какой Гоша?

Антон сжал губы и выразительно поднял бровь, испепелил меня требовательным взглядом.

– Наш. Гоша, – прошипел с нажимом.

– Ах, Гоша! – вспомнила я, отмахнулась. – Перестань, Антон! Всё в порядке.

Наш шифр, один из многих. Употреблялся в том случае, если подозревали слежку или прослушку.

- Точно?
- Да точно, точно!
- Ну хорошо.
- Он расслабился, опустил плечи, заулыбался.
- Так что насчёт чая? – спросила я.
- Тащи, – согласился он, разваливаясь на диване.
- Мы сидели в гостиной перед камином, Антон пил чай, я, заняв позицию точно напротив него, рассеянно скользила взглядом по его груди.
- Говори со мной, – попросила я.
- О чём?
- Не знаю, – я поджала под себя ноги, обняла диванную подушку. – Просто говори.
- Нет, – он треснул чашкой по столу, отпихнул её от себя. – Мне не показалось! Ты всё-таки какая-то странная!
- Просто я боюсь.
- Чего боишься?
- Темноты.
- Ты поэтому включила весь свет, который только был? – расхохотался он. – Твой дом издали сияет, как новогодняя ёлка!
- К сожалению, это не помогает. Светло только там, куда я смотрю, а за мной всё равно темно.
- Разве? – Антон недоумённо переводил взгляд с меня за мою спину и обратно. – А я вижу, что там тоже достаточно света.
- Только потому, что ты туда смотришь.
- Ничего не понимаю, – начинал он выходить из себя. – Зачем ты меня позвала? Для чего?
- Будешь сидеть напротив и следить за тем, чтобы там тоже было светло.
- Где там? – разозлился он наконец.
- За моей спиной.
- Но там и так достаточно света, говорю же!
- А я говорю, что это только потому, что ты туда смотришь! Неужели так трудно понять?! Антон рассеянно похлопал глазами, мотнул головой.
- Вообще-то да, трудно.
- Понимаешь, всё существует, только когда мы на это смотрим, а когда не смотрим, ничего этого просто нет.
- Как это нет?
- Вот так. Очень просто. Нет. Я боюсь даже закрывать глаза. Мне страшно оттого, что может быть... Там.
- Где там?
- Ну... вокруг, – я обвела глазами холл. – Что может появляться на месте той реальности, которую я не наблюдаю.
- Антон расстегнул пуговицу на воротнике. Недобрый знак – бесится.
- Какой ещё реальности? – спросил он, призывая себя к спокойствию.
- Ну, например, что сейчас на месте моей спальни? Или за моей спиной. Что там прямо сейчас, когда я этого не вижу?
- За твоей спиной колонны, а дальше лестница, – бросил он с хмурым недоумением.
- Да, но оно всё там только потому, что ты на это смотришь, если мы оба отвернёмся, всё исчезнет.
- И куда оно, мать твою, исчезнет?
- Я не знаю, Антон, – покачала я головой, чуть не плача. – И никто не знает! Это-то и приводит меня в ужас! Учёные говорят...

– Всё ясно, – махнул он, расслабившись. – Опять ботанила? Не надоело ерундой заниматься?

– Да какая ерунда, Антон! Ты только послушай! Есть такой специальный опыт Юнга, и это самый знаменитый опыт. Физики проводят его чаще остальных, потому что у него такие ошеломляющие результаты, что всем хочется посмотреть на них своими глазами. Он очень простой! Смотри: имеется лазер, ширма с двумя параллельными прорезями и проекционный экран, в который ударяются выпущенные из лазера электроны...

– Лизавета. Умоляю тебя, ты опять за своё?

– Ладно. Буду разговаривать на понятном тебе языке. Представь, что ты достал свой пистолет и собираешься немного пострелять по мишени, совсем как на том стрельбище, на которое ты меня возил, помнишь?

– Помню.

– Сколько отверстий может оставить одна пуля?

– Одно.

– Правильно. Но что, если каждая пуля начнёт оставлять по два отверстия?

– С чего вдруг?

– А с того вдруг, что ей, мать её, так захотелось! Ты стреляешь и стреляешь, а отверстий намного больше, чем нужно. Удивительно, правда? Целишься в яблочко, выстреливаешь, в полёте пуля раздваивается, попадает справа и слева от центра мишени. Вот бы ты бесился, наверное!

– Да перестань, не может такого быть!

– Может! В том случае, если при выстреле ты моргаешь или зажимаешься! Если заставляешь себя держать глаза открытыми, то всё нормально. Как тебе такой расклад?

– Бред.

– Вот именно! Поздравляю. Ты только что представил себя на месте учёных, которые тоже стреляют, правда не пулями по мишени, а электронами по проекционному экрану. Вообрази их удивление, когда частицы вдруг начинают раздваиваться и сами себя клонировать. Это можно объяснить только тем, что они начинают вести себя, как волны. Но отдельные частицы не могут обладать свойствами волны! Это же частицы!

– Ну, может, это и странно, но что в этом такого страшного?

– Страшно то, что никто не знает, почему это происходит! Когда учёные захотели разобраться в этой чертовщине и пронаблюдать непосредственно за моментом прохождения частиц сквозь прорези, произошло ещё кое-что... И это кое-что пугает меня больше всего. Итак, у прорезей установили датчики, чтобы зафиксировать то, как же эта частица окажется в двух местах одновременно. И тут началось! Как только за частицами начали подглядывать, их странное поведение тут же прекращалось. Они вели себя так, как им и было положено, – как частицы, но как только убрали датчики, на экране снова волновая картина. Результаты эксперимента менялись одним лишь фактом наблюдения за этим экспериментом.

– И что? – нахмурился он.

– Ну как что, Антон? Мне кажется, даже ты бы испугался, если б до конца понимал, о чём я говорю! Нет никакой материи! Всё это ненастоящее! Всё это – не колонны, не диван, не камин! Всё это дурацкие волны! И только!

– Да успокойся ты, чего кричать-то?

– Смотришь на объект – видишь частицу, не смотришь – он тут же превращается в волну! Стоит тебе отвернуться – всё! Предметов больше нет! Они рассыпаются, растворяются, рассеиваются... Не знаю, как ещё сказать. И ты уже не знаешь, что там! А вдруг там что-то страшное? Какая-то тёмная пустота? Она прямо за твоей спиной, прямо сейчас, и она всегда там! Но сама реальность не позволит тебе увидеть это, она это от тебя прячет! Вот что меня пугает! Я просто не знаю, что находится в том месте, на которое я не смотрю прямо сейчас! Я боюсь

темноты, да! И я не представляю, как мне жить дальше, зная, что темнота везде, она меня просто окружает и перестаёт быть темнотой только на том маленьком участке, на который я смотрю прямо сейчас. И стоит мне отвернуться...

– Почему ты думаешь, что там именно темнота?

– Да что угодно! – подскочила я, не в силах усидеть на месте. – Меня пугает, что она умная и знает, когда я за ней наблюдаю, а когда нет. Она играет со мной, она меня обманывает, водит за нос...

– Лизавета, – перебил он меня, – я тебе документы отправлял дней пять назад. Ты их посмотрела?

Под руку мне подвернулась диванная подушка, и я в бешенстве запустила ею в него.

– Откуда эти мельчайшие строительные блоки материи, – кричала я, – эти элементарные частицы, элементарнее которых и быть ничего не может, откуда они могут знать, как они могут определить, что за ними ведётся наблюдение, и мгновенно меняют свою природу?! Какого черта они раздваиваются?!

– Ты не могла бы тоже раздвоиться, пожалуйста, чтобы пока одна ты занимаешься ерундой, другая ты занималась бы делами?

– Антон, ты в своём уме? – зашипела я. – Какие документы?! Я же не фантастику пересказываю, это же наша реальность, то, среди чего ты живёшь! И я тоже! И как мне теперь жить, зная, что всё это ненастоящее?

– Да, это очень интересно, но ты лучше успокойся, пожалуйста. Давай съездим поужинать, раз уж я здесь. Заодно и расскажешь про свой этот дуализм э-э-э... корпусный.

– Корпускулярный. Ты что, издеваешься? Я же говорю, мне страшно, не до еды совершенно!

– Слушай-ка, может, оно всё тут, конечно, волнами нереально, но жрать хочется прям корпускулярно! Ты меня как раз от ужина оторвала, только заказ успел сделать. Давай собирайся.

Вдруг неожиданная мысль ворвалась мне в голову, и хотя до этого я в бешенстве ходила взад-вперёд, от этой догадки я снова опустилась на диван.

– А знаешь, что самое страшное, Антон? – спросила я внезапно севшим голосом.

– Что же? – он и не думал пугаться.

Я ткнула пальцем ему в грудь.

– Ты ведь тоже состоишь из атомов.

Антон быстро осмотрел себя.

– И что в этом страшного?

Я долго смотрела ему в лицо и всё ждала хоть малейшего проблеска сознания, но он так и не понял, к чему я клоню.

– Значит, тебя тоже нет, когда я на тебя не смотрю, – сказала я и сама удивилась тому, как это звучит.

– И где же я? – терпеливо спросил Антон.

– Не знаю, – растерялась я окончательно. – Тебя просто нет. Ты появляешься только тогда, когда я могу тебя увидеть.

– То есть когда ты меня не видишь, я не существую?

– Получается, не существуешь, – я неуверенно развела руками.

– Интересно. Получается, и тебя не существует?

Я вдруг по-настоящему испугалась.

– Как это меня не существует?

– Ты ведь тоже состоишь из атомов? Или нет?

– Состою... – прошептала я, рассматривая почему-то свой маникюр.

– Ну? – добивал он меня. – Следовательно...

– Да нет, – отмахнулась я. – Ну я-то уж точно есть, я это знаю.

– А откуда ты это знаешь? Может, тебя тоже нет, как и меня?

Действительно, откуда я это знаю?

– Ну, Декарт сказал: «Я мыслю, следовательно, существую». Я же мыслю...

– А может, никакого Декарта тоже не существовало?

– Антон! Перестань взрывать мне мозг! Я тебя позвала, чтобы ты меня успокоил, а не доводил до паники!

– Это я тебе мозг взрываю? – снова расхохотался он. – Ты сама себе его взрываешь всякой ерундой!

– Мыслю, значит, существую... Подожди-подожди... – я тёрла глаза, пытаюсь уцепить за хвост какую-то призрачную идею. – Что, если единственное, что существует, это мысли? Раз ничего этого нет, – я оттянула кожу у себя на руке, на коленке, – но я всё равно существую, значит... Ты понимаешь, вообще, что это значит?..

Он всё-таки увёз меня к себе в дом до возвращения Марты.

– Мамочка, привет, – говорил он в трубку, открывая передо мной дверцу автомобиля. – Приготовь сегодня на троих, пожалуйста, у нас гости. Да, Лизавета. Хорошо, передам.

– Она рада, что ты приедешь, – говорил он уже в мою сторону.

– Вот, принимай пациентку, – говорил он, передавая матери моё пальто.

– Лизонька, ты заболела? – спрашивала она меня, глядя на меня самыми любящими и самыми беспокойными в мире глазами.

– Заболела, да, – не давал мне вставить слова Антон. – У нашей Лизоньки очередной припадок, переждёт его у нас. Теперь она уверена, что нашего мира просто нет или что-то вроде того.

– Правда, детка? – сочувствующе улыбалась мать. – А как же твои параллельные вселенные? Их теперь тоже нет?

– Не совсем так, – терялась я под их смешливыми взглядами. – Просто оказалось, что предметы существуют, только когда мы смотрим на них.

– Мм, какие ароматы! Что-то вкусненькое, ма? Пойдём в столовую, Лизавета, посмотрим, существует ли там ужин.

Надежда Борисовна, мать Антона, всегда, когда я оставалась у них, стелила нам в разных комнатах и даже на разных этажах, даже несмотря на то, что поженить нас она хотела больше всего на свете. Её любовь ко мне была взаимной, я бы много отдала, чтобы заполучить именно такую свекровь, если б она не поставлялась в комплекте с Антоном. Тихая, спокойная, умиротворённая женщина, почти всегда занятая вышивкой или клумбами. Очень ненавязчиво она намекала, что ей удалось воспитать прекрасного сына и что этот сын ко мне равнодушен. Антона она боготворила, но, в отличие от многих других матерей, не ревновала к остальным женщинам, даже учитывая то, что на ноги поднимала она его одна. Отец, как это иногда практикуется, сбежал к другой женщине почти сразу же после рождения Антона. Он не смог вытерпеть крики орущего по ночам младенца, объяснил это тем, что ещё не готов. Мать тогда всё для Антона делала, ей пришлось работать на двух работах, в какой-то промежуток времени даже на трёх. Он очень нелегко достался ей, тяжёлая беременность, тяжёлые роды, бесконечные детские болезни, из него вышел трудный подросток.

Матери бывают очень разными, но мать Антона опекает его всю жизнь. У них куча денег, и она об этом знает, но не хочет нанимать горничных или кухарок, ей доставляет удовольствие самой готовить ему, стирать его вещи. Даже сейчас, когда Антон легко может поднять её одной рукой, для неё он всё тот же несмышлёный ребёнок, который остро нуждается в заботе, и единственное, о чём она мечтает, – передать его с рук на руки хорошей жене. Например, мне. И может быть, поэтому она всячески со мной дружит, а может, и потому, что я ей просто

нравлюсь. Мне очень приятна её забота, но иногда я чувствую себя виноватой, зная, что не смогу оправдать её надежд.

Мы с ней поболтали немного перед сном в гостевой спальне, в которой она постелила для меня сегодня:

– Всегда хотела иметь доченьку, – ворковала Надежда Борисовна, расчёсывая перед зеркалом мои волосы. – Бантики, косички, все эти милые платица. С мальчишками ведь знаешь как – только успевай зелёнку покупать да дырки штопать.

– Да уж, представляю, – улыбалась я, вспоминая взлохмаченного сорванца, которого она часто показывала мне на старых снимках в семейном альбоме.

– Жду не дождусь, когда Антон осчастливит меня маленькой внучкой!

– Из вас выйдет прекрасная бабушка, – сказала я, не зная, что ещё сказать.

– Никому бы её не доверила, мою конфетку, сама бы с ней сидела! Я ведь ещё крепкая бабка, зачем все эти няньки-гувернантки, зачем чужие люди в доме? Знаю, вы с Антоном очень занятые люди, только о работе и думаете. Но и о будущем нельзя забывать. Не будь у меня Антона, чем бы я сейчас занималась? Страшно представить одинокую старость, Лизонька, очень страшно. Вот что должно тебя беспокоить, а не кванты и галактики.

– Спасибо, Надежда Борисовна, – сказала я, мягко забирая у неё расческу. – Обещаю поразмышлять над этим сегодня же.

Не успела она пожелать мне спокойной ночи и прикрыть за собой дверь, как я тут же выскочила из кровати, схватила ноутбук и прокралась в спальню к Антону.

– Ты чего? – опешил он.

– Я посижу тут, с тобой, ладно?

– Неужели тебе правда страшно? – недоверчиво буравил он меня взглядом, стоя передо мной в одних трусах.

– Ты спи, – я залезла в его кровать и натянула на себя краешек одеяла. – А я пока почитаю свой ноутбук. Только ночник оставь.

– Ты же никогда ничего не боялась!

Казалось, ещё чуть-чуть, и он полезет проверять мою температуру.

– Только темноты, – я демонстративно открыла ноутбук, обозначая свою чрезвычайную занятость.

– Чёрт знает что такое!

И пока он недовольно ворочался, пока смотрел свои разноцветные сновидения и бормотал во сне, я изничтожала темноту в своей голове.

Я чувствовала себя обманутой. Почему никто не рассказал мне об этом раньше? Почему в школах и в институтах не преподают эту подложку реальности? Как много мне теперь нужно узнать, как много информации освоить и усвоить! Как не сойти с ума от того, что всё моё понимание этого мира теперь поставлено под сомнение и подлежит жесточайшему пересмотру и переосмыслению?

Утром я ходила за Антоном хвостиком. Пока он брился, я стояла сзади.

– ... и получается, что фактором, определяющим, будет ли частица вести себя как частица или как волна, является сам наблюдатель – человеческое сознание. Свойства частицы не установлены заранее, они определяются самим сознанием, воспринимающим частицу. И так то, что выглядит как «твёрдая» реальность, это лишь один из двух аспектов реальности, которая может иметь форму волны и форму частицы.

Пока он пил кофе, я сидела рядом:

– Понимаешь, Антон, в физике есть такое понятие, как квантовое поле. Это электромагнитное поле, из которого происходит материя. Частицы, происходящие из этого поля, не являются самостоятельными, но представляют собой разные формы одной системы. То есть поле и материя, возникающая из этого поля, есть одно и то же...

Завязывала ему галстук в гардеробной:

– Поле – это как океан. Волны постоянно поднимаются и опускаются. Самая верхушка гребня волны и есть источник, из которого появляется вещество и наша реальность. Остальная часть океана лежит за пределами нашего восприятия и в то же время существует как потенциальный источник вещества.

Стояла над ним, пока он обувался:

– Считая активное участие наблюдателя самой важной особенностью квантовой теории, этот учёный предложил заменить слово «наблюдатель» словом «участник».

Провожала его до машины.

– Понимаешь, это как в компьютерной игре. Потенциально в ней огромный запрограммированный мир, но ты видишь лишь ту его часть, которая перед тобой на экране. Так же и наш реальный мир, он фокусируется только на том участке пространства, на который ты смотришь прямо сейчас...

Вечером Антон принимал душ за пластиковой шторкой. Вся ванная комната забита плотными облаками пара. Я сидела с ногами на крышке унитаза, рассказывала ему о том, что мне открылось за сегодняшний день.

– Антон, понимаешь, вселенная не просто описывается математикой, вселенная и есть математика, наш мир – это гигантская математическая структура, частью которой мы являемся. Сам факт того, что существуют точные науки, указывает на то, что наш мир может быть описан с помощью двоичного компьютерного кода. Формулы, формулы, куда ни посмотри – одни формулы и уравнения! Какие-то уравнения описывают поведения света, – я соскочила на пол и принялась чертить пальцем закорючки на запотевшем зеркале, – есть уравнение, описывающее поведение гравитации, есть описывающее поведение атомов, эти – что происходит, если мы перемещаемся с околосветной скоростью. Тебе видно?

– Да.

– Ты не смотришь!

Он отодвинул немного шторку, смыл с лица мыльную пену, раздражённо уставился на зеркало.

– Смотрю. Ну формулы, ну и что?

– Как что? Любое явление, простое или сложное, можно описать с помощью формулы. Это же настоящее волшебство! Разве тебя не поражает, что эти маленькие надписи могут описать суть происходящего в этой сложной вселенной? Галилео как-то сказал, что природа похожа на книгу, написанную на языке математики. Математикой не просто проще описать реальность, продвигаясь всё глубже и глубже, это единственный способ описать её...

– Поддай полотенце.

– Держи. На самом деле учёные не изобретают законы и формулы, они просто расшифровывают коды. Понимаешь, математика – это не язык, который они изобрели, а глубокая и очень сложная структура, которую они постепенно открывают, откапывают, как археологи...

– Поддай халат.

– Какой?

– Синий.

– Вот. Даже нобелевские лауреаты говорят, что невероятная эффективность математики в естественных науках – это что-то мистическое и этому нет рационального объяснения. Понимаешь, Антон, можно просто принять математический порядок в мире как данность, а можно пойти дальше. Можно задуматься над тем, почему же он существует и откуда берётся. Кто его создал, кто запрограммировал нашу вселенную? Кто встроил в неё эти математические коды?..

– Ты не знаешь, там ужин готов?

– Ужин?

– Ты сама от себя не устала? – бормотал он, перешагивая через бортик ванны.

– Нет, а что?

– А то, что ты слишком увлекающийся человек. Стоит чему-то одному захватить твой разум, всё остальное сразу же перестаёт существовать.

– И что же в этом плохого? Я просто хочу разобраться, кто или что я такое, кому и для чего понадобилось создавать меня и мир вокруг меня. Это просто будоражит моё воображение!

– Ещё вчера ты скулила от страха, а сегодня уже пищишь от восторга.

– Ну а как можно не пищать, Антон, ты только вдумайся, только представь, что всё это значит!

– Вернись в реальность, Лизавета.

– Кстати, по поводу реальности, – преследовала я его по дороге в столовую. – Помнишь, я говорила, что существует огромная разница между тем, как мы воспринимаем реальность, и тем, какова она на самом деле? Ведь всё, что мы узнаём о мире вокруг, мы узнаём с помощью электрических сигналов, поступающих в мозг от органов чувств. Если поместить мозг в банку и заставить его реагировать на раздражители, подключить к нему передающие сигналы-электроды, он точно так же считал бы себя живым и активным человеком, он бы и не задумался о том, что он всего лишь кучка нейронов в стеклянной банке.

– Думаешь, твои мозги плавают в аквариуме?

– На самом деле всё ещё сложнее. Мозга просто нет. Понимаешь, всё, что занимает место в пространстве, не может считаться материальным само по себе, просто потому что материи не существует как таковой...

Через несколько дней, когда я уже представляла из себя ходячую энциклопедию, Антон с облегчением передал эстафету Марте.

– Марта, знаешь, какая ещё есть теория? – рассказывала я ей за обедом. – Они говорят, что частица, перед которой стоит выбор, в какую из щелей пройти, не выбирает между ними, а проходит сразу в обе. Это мы всегда заморочены проблемой выбора – как поступить, куда пойти направо или налево, а частица этим вопросом не задаётся, потому что ей это не нужно. Она просто создаёт ещё одну реальность, в которой идёт в другую сторону, как будто хочет посмотреть что будет. Или даже не так. Как будто ей нужно знать, что случится и в одной вселенной и в другой, к чему приведёт её выбор. Может она делает это для того чтобы вернуться назад и выбрать правильное направление?

– Но как же она вернётся назад?

– Они с лёгкостью это делают. Они могут управлять временем и этому есть научное подтверждение. Усовершенствованный эксперимент с двумя щелями показывает, что частицы могут возвращаться в прошлое...

Это было только начало. Теперь же в моей голове информации столько, что я, наверное, могу читать лекции в университете Бёркли.

Глава 3

Просочившись сквозь дверную щель в освещённый приглушённым нижним светом коридор, я наконец вздохнула полной грудью и направилась к лестнице.

Ну и во что я опять оказалась втянута? А? Если предположить, что эта пьянь оказалась здесь, потому что кто-то посчитал, что я слишком спокойно живу, то какого развития событий мне следует ожидать?

На часах четыре утра. Сделала себе чай.

Скоро он проснётся. Вспомнит ли он о своей угрозе? Было ли это угрозой, предупреждением или желанием выпятить свою власть? Можно ли слова пьяного полковника ФСБ принимать за чистую монету? Рассвет я встретила, сидя в кресле перед остывшей чашкой и обдумывая своё положение. Чем дольше я думала, тем всё более мрачным оно мне представлялось. Погрузившись в мысли, я в отчаянии уже дошла до того, чтобы просто убить Максима первой, не дожидаясь, пока он прикончит меня. Иногда ведь получается и так, что создатель чужими руками хочет лишиться кого-то жизни... Сидела, смакуя в мечтах детали его убийства и злясь сама на себя. Я знала, что не смогу. Нет, это без меня. Может, мне стоит быстренько собрать все свои паспорта, бриллианты, Марту и исчезнуть, пока он не проснулся? Я потянулась за чашкой и вздрогнула, встретившись с Максимом глазами. Чай расплескался по столу. Я так увлеклась мечтами о его внезапной кончине, что не заметила, как он живой и, не считая похмелья, здоровый сел в кресло напротив меня. Может, я задремала?

– Доброе утро, – натянута улыбнулась я.

– Доброе, – ответил Максим, потирая опухшие воспалённые веки. – Сделай мне кофе.

– Сейчас.

Я поднялась и, слыша за собой его тяжёлую поступь, захромала в кухню. Проверила, заправлена ли кофемашина, и включила её. Марта всегда заправляет, чтоб я сама не возилась. Пока я стояла к Максиму спиной, он позвонил водителю и распорядился приехать за ним. Мы молча ждали, пока наполнится его чашка. Я поставила кофе перед ним.

– Я люблю наблюдать за тобой, – тихо произнёс Максим ничего не выражающим голосом. – Чего стоят одни только эти нервные пальчики. Даже будь они единственным, что от тебя осталось, я бы и то не променял тебя ни на какую другую бабу.

Его слова не стали для меня откровением. Всегда, когда он оказывается рядом, у меня на спине или на груди поселяется красная прицельная точка его тяжёлого взгляда. Он поднял голову и уставился мне в глаза с... какой-то надеждой, что ли.

– Ты так отчаянно демонстрировала независимость, что я просто терялся в догадках. Я знал, что, чтобы быть рядом с тобой, я должен быть не слишком заинтересованным. И я был таким, чтобы не отпугнуть тебя. Звонил не так часто, как мне того хотелось. Приглашал тебя только тогда, когда мне казалось, что тебе самой этого хочется, а потом сходил с ума, попросившись с тобой. Не мог, не хотел отпускать тебя ни на минуту. Может, я ошибся, может, тебе нужно было больше внимания? Больше настойчивости с моей стороны?

Да нет. Он очень правильно считывал мои сигналы, ведь я очень ловко манипулировала им.

– Максим. Ты всё делал как надо, не переживай об этом.

– Ну, хорошо, успокоила, – горько усмехнулся он и вновь уронил голову. Продолжил, задумчиво размешивая сахар: – В тебе очень много всего. Целая вселенная в этой маленькой лохматой головке. Сначала ты показалась мне простой. Я не сказал обычной, я сказал простой. Мне казалось, я понимаю тебя, понимаю, какая ты. Но со временем тебя становилось всё больше, и каждый раз, когда я думал, что теперь уж точно всё, ты открывалась мне с новой стороны. Какая-то бесконечная головоломка, над которой сколько ни бейся, до сути не доко-

паешься. Я не знаю, сколько ещё этих обёрток я должен сорвать, прежде чем доберусь до сердцевины, я знаю одно. Те твои составляющие, которые я успел рассмотреть, уже не умещаются у меня в голове. Я не могу объять необъятное, это злит меня, выводит из себя. Я хочу, чтобы ты была понятная, покорная, прозрачная, а в тебе столько всего, что я не знаю, как ты сама ещё не свихнулась от этого.

Я молчала. Рано или поздно все мужчины, с которыми я общалась, хоть и разными словами, но признавались мне в одном и том же. В том, что я недоступна их пониманию, потому что во мне слились самые разные личности. Я никогда не показывала этого нарочно, просто все мои мужчины были достаточно умны, чтобы понимать это самостоятельно. И это всегда вызывало восхищение. Женщина-загадка, таинственная и притягательная. В первый раз я столкнулась с тем, что кого-то вывожу из себя, и не знала, как на это реагировать, что изобразить на своём лице. Я, конечно, хорошая актриса, просто в данном конкретном случае не знала, какую маску мне надеть.

– Ты хорошая девочка, Катенька, – он задумчиво барабанил пальцами по столу, опираясь головой о свой огромный кулак. – Ты весёлая, живая, очень красивая. Я завидую тому мужчине, которого ты решишь осчастливить. О, как я ему завидую! Так завидую, что хочу убить его!

Он поймал в воздухе чью-то одному ему видимую глотку и сжал её с гримасой ненависти. Не оставалось сомнений: от этой хватки у бесплотного соперника полопались сосуды в глазах. Максим отбросил бездыханное тело в сторону и вернулся к своему кофе.

– Я знаю, что ты не любишь меня. Тяжело было это осознать, но мне пришлось. Я мог бы заставить тебя жить со мной. Я мог бы прикончить тебя, потому что мне проще смириться с той мыслью, что ты мертва, чем с той, что счастлива с кем-то другим. Вчера я готов был это сделать, но ты остановила меня, дав надежду.

Он замолчал. Я тоже молчала. Ему не первому пришла в голову идея убить меня с тем, чтобы я не досталась другому, но он еще не всё сказал, и я ждала. Какое-то время мы слушали мерное тиканье больших напольных часов в гостиной.

– Ты хорошая девочка, и я отпускаю тебя. Мы больше не встретимся.

– Максим, я...

– Не говори ничего. Тебе нечего сказать.

– Я как раз собиралась сказать, что не знаю, что сказать...

– Вот противная упрямая девчонка! – рассвирепел он, и я невольно сжалась. – Просил же помолчать! Не могу слышать твой голос!

– Прости...

– Заткнись же наконец!

Часы тикали синхронно с пульсирующей у меня в висках кровью. На каждый тик приходился один удар сердца. Я подумала, слышит ли это Максим, казалось, не слышать невозможно. Но он сидел погружённый в свои мысли и не обращал на меня внимания.

– Я искалечил свою бывшую жену, – наконец сказал он, подняв на меня глаза. – Она меня тоже не любила. Теперь она инвалид. Ты не зря боялась меня, я действительно алкоголик и чудовище.

Хорошо, что он запретил мне говорить, я потеряла дар речи. И хорошо, что я сидела, ноги мои отнялись. Даже когда мне кажется, что я просто тычу пальцем в небо, даже тогда я оказываюсь права. Сколько раз уже моя интуиция меня спасала?

– Мне невыносимо тебя терять, но я знаю, что превращу твою жизнь в ад. Наверное, это всё-таки любовь, раз уж я беспокоюсь о твоей судьбе больше, чем о своих чувствах... В тебе столько жизни! Я чувствую, как твоя энергия пульсирует в воздухе, она отравила меня, и я тоже начал ощущать себя живым. Знаешь, как давно я не чувствовал ничего подобного? Наверное, с тех пор, как поступил в академию. Когда ты ушла... – Он надолго замолчал, вцепившись побелевшими пальцами в край столешницы. – Я жалею, что познакомился с тобой,

лучше бы я не знал тебя... Ты говоришь, ты ничего не обещала. Какой бред! Ничего не значащие слова... На этот раз тебе повезло, но запомни – ты в ответе за тех, кого очаровала. Будь осторожнее, возможно, в следующий раз тебе попадётся более... решительный мужчина. Не провожай меня. Всего хорошего.

Громкий выстрел хлопнувшей за Максимом двери привёл меня в себя. Я не ощущала ничего, кроме облегчения – я снова могу делать, что хочу. Зачем обращать внимание на всяких идиотов, когда есть тот, кто действительно заслуживает моего внимания?

Недосмотренный вчера фильм манил меня так же, как манит сладёну недоеденная шоколадка в кармане. Я спустилась в кинотеатр.

Глава 4

Шли дни. У меня в запасе оставалось ещё много его фильмов, но я хотела растянуть удовольствие и, кажется, только по этой причине занималась ещё какими-то делами, а не сидела в своём кинотеатре безвылазно.

Да, вести легальный бизнес – занятие достаточно хлопотное, но интересное. К сожалению, из-за вывихнутой лодыжки я по большей части работала дома, ломая голову над документами, внося поправки в бесконечные пункты бесконечных договоров, вела телефонные переговоры, занималась входящей почтой. Всё это очень быстро мне наскучило, я начинала чувствовать себя какой-то секретаршей, и это злило меня. Елизавета Стремительная жаждала действий, но перевязанный голеностоп серьёзно ограничивал её. Всё чаще я косилась в сторону лестницы, ведущей в кинотеатр, всё чаще не могла сосредоточиться на документах, всё чаще отвлекали меня от остальной жизни.

С тех пор, как я начала обращать на Рональда своё самое пристальное внимание, он, двумерная картинка на экране, кажется мне реальнее всего остального, что меня окружает. Сколько жизни в его глазах, в его жестах, голосе, в поведении! Он какой-то невообразимо трогательный, одним взглядом, одной улыбкой он заставляет расцветать во мне то, что уже давно погибло и покрылось пылью времён. Когда он разговаривает с кем-то на экране, мне кажется, что он говорит со мной, только ко мне обращены все его слова и все его взгляды. Мне так нравилась эта мысль, что я решила в неё верить, и особенно меня вдохновляло то, что при этом я могла не считать себя больной на всю голову.

Ведь чем хорошо знать основные на сегодняшний день теории мироздания. Можно выбрать одну из них и приспособить под свой конкретный случай. Например, меня смущает, что у Рональда слишком много поклонников, все им восхищаются, боготворят и прочее. Я ведь вполне могу, к своему стыду, признать себя одной из его обезумевших фанаток, а могу поступить хитрее. Могу взять за основу ту теорию, которая гласит, что всё происходящее вокруг меня всего лишь плод моего воображения

то есть сознания!

и таким образом получается, что и поклонники его всего лишь вымышлены мной для того, чтобы придать ему дополнительную значимость в моих глазах. А отсюда сам собой вытекает следующий выдающийся вывод – Рональд старается только для меня. Никого кроме нас нет. Может, и его нет тоже, но это неважно. Важно только то, что я хочу

ну, или моё сознание

чтобы он существовал вот такой – восхитительный, безупречный, обожаемый всеми. И принадлежащий мне одной, конечно. Замечательно удобная теория. И это не я свихнулась, эту теорию, между прочим, учёные предлагают, а я всего лишь пользуюсь.

Мне хотелось узнать Рональда лучше, как человека, и я находила в Сети его интервью. Скрупулёзно анализировала каждое сказанное им слово. Мелочей нет. Есть подробности.

Его талант перевоплощения, который я особенно ценила и в себе самой, был очевиден не только в рамках его фильмов, но и в жизни. Давая интервью или принимая участие в вечерних шоу, Рональд тонко чувствует каждого нового собеседника, подстраивается под него, ловит его волну. Легко трансформируется, но при этом остаётся твёрдым в своей манере, он мягок, но несгибаем. Сочетание несочетаемого. И его взгляд... О, этот взгляд! Он кажется удивительно вдумчивым, глубоко заинтересованным и в предмете обсуждения, и в собеседнике, если тот не пренебрёг возможностью затронуть действительно важную и волнующую тему. И в этих случаях в его глазах так много света, он будто сияет изнутри.

Кажется, я могла бы вечно слушать его рассуждения, и слушала бы, если б Рональд вечно говорил, но действительно интересных интервью было не так много. Всё же большинство жур-

налистов – ослы, неспособные подобрать оригинальные темы для разговора с неординарным человеком. Информация в остальных интервью ограничивалась только общими, связанными с его деятельностью вопросами.

– Вы когда-нибудь отдыхаете? – спрашивала очередная журналистка, искренне полагая, что задаёт самый оригинальный вопрос из возможных.

– Когда любишь свою работу, она перестаёт быть работой и становится жизнью, – вежливо отвечал Рональд, хотя я бы на его месте просто встала и вышла из студии. – Разве нужно отдыхать от жизни? Думаю, мы здесь не для того чтобы отдыхать, мы здесь для действий, отдохнём мы все потом.

– Над каким проектом вы сейчас работаете и какой проект будет следующим?

«Вашу мать! – злилась я на очередную ведущую. – Да неужели вам больше поговорить не о чем? Спроси, что он ест на завтрак и каким парфюмом пользуется».

Мне страстно хотелось знать, как пахнет этот мужчина.

Рональд, вежливо улыбаясь, отвечал на дежурные вопросы, но в глазах его разливалась скука.

– Вы весь в работе. Не устаёте от такого количества съёмок?

Конечно, он не устаёт. Тысячу раз уже это говорил и тебе, дубина, другого не скажет.

– Расскажите зрителям о ваших творческих планах.

«Кого интересуют его творческие планы? Спроси лучше, надевает ли он пижаму на ночь или спит голый», – толковывала я ведущей через экран.

– Вам не страшно выполнять такие сложные трюки на съёмках?

Поразительный идиотизм! Скоро Рональд совсем перестанет давать интервью. Просто скажет: «Поставьте в эфир одно из предыдущих, там всё то же самое!» «Отберите у неё микрофон и дайте его мне, – взмолилась я. – Я точно знаю, что интересно зрителям и как не дать заскучать мистеру Шелтону».

Я прикинула примерный список вопросов.

Вы бреете волосы в интимных местах? Э-э-э... Пожалуй, слишком. Ладно, начнём сначала...

Если скаковым лошадям надеть соломенные шляпки, они начнут их жевать?

Вас раздражают дурацкие вопросы или вы уже смирились с тем, что вокруг полно идиотов?

Вы выбрали профессию актёра, потому что хотели бы прожить несколько разных жизней?

Какие качества в людях могут вас приятно удивить?

Если бы вы не знали ваш возраст, сколько бы вы себе дали?

Если бы вы с самого начала знали, что можно на какое-то время стать по-настоящему счастливым, но потом счастье покинет вас и это принесёт вам много страданий, выбрали бы вы это недолгое счастье или предпочли бы жить спокойно, не зная ни счастья, ни печали?

Вы спите со стороны окна или со стороны двери?

Если бы вам захотелось сделать что-то романтическое, что бы вы придумали?

Вам приходилось убегать от полицейских?

Вам нравятся голубоглазые шатенки?

Случалось ли вам увидеть гениальность там, где раньше видели безумие?

Вы смогли бы полюбить женщину, у которой проблемы с законом?

Вы бы ждали её лет двадцать из тюрьмы, если что?..

Несмотря на то, что я не могла задать ни одного вопроса Рональду лично, это никак не мешало мне узнавать его всё больше и больше. Достаточно было следить за его мимикой, жестами и глазами. Есть единственная часть мозга, которая выступает наружу. Глаза. И глаза очень тесно связаны с ним. Если знать, как именно, то можно считать немало информации

по их движениям, можно узнать, врёт человек, вспоминает ли он или пускает в ход своё воображение. Не зря профессиональные игроки в покер во время турнира надевают тёмные очки, даже упорными тренировками сложно подчинить себе эти мелкие рефлекторные движения. В то время, как сам Рональд Шелтон разговаривал с ведущими, его лицо и руки разговаривали со мной, и они говорили мне больше, чем его слова. Его широкая чистосердечная улыбка свидетельствовала о том, что он никогда не причинил бы другому вреда намеренно. Ну какое же всё-таки это изысканное удовольствие – изучать интересного человека.

Я понимала, что со мной происходит что-то очень и очень неправильное, но ничего не могла с собой поделать. Я не могла перестать истязать себя его экранным изображением. Стоило мне совладать со своими эмоциями и захлопнуть крышку ноутбука, как в груди тут же появлялась отвратительная тянущая пустота. Попытки отвлечь себя чем-то с треском проваливались. Его лицо отделяло меня от всего остального мира. Куда бы я ни посмотрела, за какое бы дело ни взялась, везде видела только его.

Я разговаривала с ним, пытаясь представить, как он отвечал бы мне на тот или иной вопрос. Чем лучше я его узнавала, тем более развёрнутыми, информативными становились ответы и он нравился мне всё сильнее и сильнее. Я разговаривала с ним, и эти откровенные разговоры вслух с двумерным изображением на экране уже не казались мне странными. Так, например, из другого измерения с нами могли бы разговаривать покинувшие тела души близких людей в том случае, если они есть. Нам их не видно и не слышно, а им кажется, что они принимают участие в нашей жизни, общаются с нами.

Роли

«я рад, что у меня есть возможность выбирать те фильмы, в которых я действительно хочу сниматься»

которые он исполняет, очень разные. И те, в которых ему не составляет труда разминировать атомную бомбу, имея под рукой только чайный пакетик, лишь верхушка айсберга. Серьёзные драматические фильмы, комедии, над которыми хохочу даже я, неплохая научная фантастика (где ты был раньше, а?) – он великолепен под любым соусом.

Но было и ещё кое-что.

Изучая его профессиональную деятельность, я с удивлением обнаружила, что Рональд Шелтон не только актёр, но ещё и сценарист, и режиссёр своих собственных независимых фильмов, и эти фильмы не были похожи на обычные голливудские постановки. Скорее арт-хаус. Философские, с глубоким смыслом. Это была его душа, записанная на плёнку. И эти фильмы... дайте мне сил не сойти с ума!

С пульсирующим яркими вспышками сердцем, с горячим пятном в затылке, со всеми обострёнными чувствами, оставив бесполезное в этом путешествии тело, я шла и шла за ним, ощущая почти невыносимое чувство сопричастности, понимая и разделяя.

Как точно его идеи отражают то, что является частью меня самой. Я была не просто согласна с каждой репликой, мне казалось, я написала и сняла это сама. Нет, я не смогла бы выразиться так остро и так глубоко, мне элементарно не хватало опыта в детальной рефлексии, но его работы будто подсказывали мне истину обо мне самой, раскрывали мне меня и раскрывали мои глаза на мир вокруг. Делали его понятнее, объёмнее, интенсивнее. И после ключевых сцен, когда режиссёр отвлекается на пейзажи, предоставляя зрителю возможность вкусить смысл, я чувствовала, как сердце громогласно выстукивает «Да! Да! Да!», а потом «Ещё! Ещё!»

Я ошибалась, думая, что его внешность – это самое красивое, что только встречалось мне в жизни. Самое красивое в себе, то, что обычно невозможно увидеть глазами, он каким-то мистическим способом изливал наружу, самовыражался в своих работах. И пусть в этих фильмах он оставался вне зоны видимости, его душа чувствовалась в каждом кадре, в каждой

сказанной реплике и в каждом чужом взгляде. И это было прекрасно настолько, что у меня просто дух захватывало.

Мне хотелось сливаться с этой красотой, пропускать её сквозь свою кровь и свои кости, делать частью себя. И я страдала от того, что не могла её каким-то образом потрогать, прочувствовать её не только фибрами своей души, но и рецепторами. Прижаться к ней всем телом, кожей, губами, взять в руки, вдохнуть её запах. Может, не будь я кинестетиком, эта невозможность мучила бы меня меньше, но я была и искала пути. И путь был все тот же – Рональд. Внутри него заключалась вся эта какая-то неземная, тонкая, возвышенная красота, и если я и могла хоть как-то потрогать её, то только через него.

Во мне рождались, множились, набирали силу самые разные чувства и эмоции. Они кипели и бурлили где-то внутри, выстреливали в голову яркими, мучительно живыми картинками.

Поразительно, как со временем трансформируются наши желания, и из всей этой мешанины нагромоздившихся образов – обнять за плечи, почувствовать, прижаться, опуститься всё ниже, исследуя языком и губами кожу на теле, поехать в горы, впиться ногтями ему в бедра, лизнуть улыбающуюся ямочку на тёплой щеке, укрыть одеялом, до крови искусать, измучить поцелуями, станцевать танго, принести кофе в постель, наблюдать рассвет где-нибудь на Огненной земле, держать за руку, – как из всей этой кучи несбыточного выкристаллизовывается всего лишь одно мучительное желание – увидеть. Просто посмотреть, убедиться, что он есть и он настоящий, не просто образ, застрявший в голове и в воспалённом воображении, но человек. Как он ходит? Как улыбается? Как поправляет непослушные волосы? Неужели его глаза настолько же удивительны и в жизни? И кожа – какая она? Чуть шероховатая или гладкая, ровная? Может, удастся услышать его голос, его запах?

И к тому же оставалась призрачная надежда, что он не совсем такой, каким я представляла его себе. Что, если он не совпадёт с границами своего точного шаблона, придуманного мной? Не сольётся один в один с воображаемым мной образом? Не дотянет? Не подтвердит? И тем самым успокоит и отпустит...

Где же мне достать его в его земном воплощении? Где настигнуть, подкараулить? Пробраться на съёмочную площадку или сразу в дом? Но я и понятия не имела ни о том, где мистер Шелтон сейчас снимается, ни о том, где сейчас живёт и появляется ли дома вообще. К тому же все эти истории с вторжением в неусыпно охраняемую частную собственность хороши только для голливудских блокбастеров, у нас же здесь реальная жизнь, с реальными возможностями. И ещё. Я не хотела бы слишком выделяться, не хотела бы столкнуться с ним нос к носу так, чтобы он запомнил меня. Это ведь всего лишь разведка, так? Оставалось одно – какое-то массовое мероприятие, где бы он появился перед публикой во всей красе – один напротив целой толпы, среди которой буду и я. Идеально.

Воодушевившись своим замечательным планом, я обратилась к Макбуку Всезнающему и уже через минуту наткнулась на то, от чего волнение запульсировало у меня в ушах. Новость была примерно следующего содержания:

«Через неделю в Лондоне состоится премьера нового фильма с Рональдом Шелтоном. На красную дорожку перед кинотеатром BFI MAX выйдут актёры и актрисы, сыгравшие главные роли, а также режиссёр, продюсер, члены съёмочной группы и гости – специально приглашённые звезды».

Не успев дочитать текст до конца и найдя подтверждение этой новости в другом источнике, я схватилась за телефон.

– Мне срочно нужна британская виза, – выпалила я, как только на том конце прозвучало сонное «Алло».

– Ты смотрела на часы? Два ночи... – бормотал Руслан.

– Через неделю я должна быть там, – отрезала я.

– Ты не будешь там через неделю. Виза делается в среднем недели две-три.

– На кой чёрт мне помощник, который не может уладить такой элементарный вопрос? – голос мой звучал угрожающе, и я на секунду задумалась, не перегибаю ли палку. И поспешила положить трубку – пусть мой вопрос нависнет над ним Дамокловым мечом и заставит бездельника раскинуть мозгами.

Глава 5

На высоте одиннадцати тысяч метров из салона бизнес-класса я смотрела на плывущие внизу облака, а мысли мои витали где-то очень далеко. Мой неусыпный конвой в виде сонного Дениса восседал здесь же, на соседнем кресле. Узнав, что я собираюсь сменить обстановку, устроив себе выходные в Лондоне, Антон и слышать не хотел, чтобы я летела одна, и отрядил его охранять моё драгоценное тело. Неожиданная командировка не входила в планы Дениса, а когда я сообщила, что среди прочих развлечений собираюсь посетить премьеру нового приключенческого боевика, он пригорюнился ещё больше. Перспектива смотреть фильм на английском его не слишком воодушевляла – с языком у него было не очень. Конечно, он и не догадывался, что премьеры – моя основная цель. Как и Антон, он был уверен, что я просто собираюсь поглазеть на достопримечательности, побродить по лондонским улицам, расставить приоритеты, с тем чтобы впоследствии прикупить себе какой-нибудь недвижимости в центре. Вполне сносная легенда.

– Что-нибудь желаете? Вода? Сок? Шампанское?

Я взглянула на стюардессу, затем на своего конвоира. Прочитав в его взгляде немой вопрос, ответила:

– Два бокала шампанского, пожалуйста, – кивнула я ей и повернулась к Денису. – Английский выучить несложно. Спросили: «Уай?» Ответь: «Бикоз!» Спросили: «Дринкинг?» Говоришь: «Офкоз!»

Денис рассмеялся и поудобнее устроился в кресле.

Лондон встретил нас замечательной яркой и солнечной погодой, разительно отличающейся от моего представления о Туманном Альбионе. Чтобы добраться до центра города, мы решили воспользоваться услугами знаменитого чёрного кэба и расположились на заднем сиденье аккуратного и ухоженного такси. Водитель, на проверку оказавшийся коренным англичанином, представился нам Джорджем. Наш багаж, согласно духу и традициям старого Лондона, разместился впереди, рядом с водителем – багажника в кэбах не предусмотрено. Места в салоне было на удивление много, но больше всего меня поразил довольно высокий потолок, и я тут же, отодвинув разделяющую нас пластиковую перегородку, поделилась своим наблюдением с Джорджем.

– Такой специальный дизайн, мисс, чтобы пассажиру не приходилось снимать свою шляпу-цилиндр, – объяснил он мне, и я тут же представила себе, как лет пятьдесят назад в такую же машину садился какой-нибудь лондонский денди в щегольском наряде и с цилиндром на голове.

Как сказал нам водитель, дорога из аэропорта до отеля займёт примерно час-полтора, и я обратилась к пейзажу за окном. Вид, прямо сказать, меня обескураживал. Не то чтобы я рассчитывала увидеть Биг-Бен сразу при выходе из аэропорта, но всё же я ожидала немного другого. Спальные районы Лондона вполне могли принадлежать какому-нибудь невзрачному городу из наших российских глубинок.

Я подумала, что неплохо бы совместить цель своего визита с осмотром достопримечательностей и, когда мы въехали в сам город, попросила водителя покатать нас по основным туристическим местам. Денис, если ему вздумается, может сколько угодно околачиваться по музеям да площадям, мне же было не до этого, но бегло осмотреть Лондон всё же можно. Джордж заверил меня, что организует всё в лучшем виде.

Из окна нашего уютного кэба мы наблюдали, как проплывает мимо нас великолепная Трафальгарская площадь со своей статуей Нельсона на колонне и знаменитыми ландсеровскими львами в основании. Джордж рассказал, что нередко случаи вызовов «Скорой помощи» и медицинских вертолётов, когда очередной турист, пытаясь оседлать огромного льва, свалива-

ется с трёхметровой высоты, получив вместо эффектного кадра перелом какой-нибудь конечности. И мне, конечно, тут же захотелось вскарабкаться на этого льва, и лишь огромным усилием воли я заставила себя сидеть на месте. Да и Дениса не хотелось нервировать.

Я получала от лондонских улиц именно то, что рассчитывает получить любой приезжающий сюда турист. Красные телефонные будки, красные двухэтажные автобусы, полицейские в круглых касках – Лондон очаровывал меня всё больше. Я обратила внимание, что на улицах много улыбающихся горожан, и сказала об этом Джорджу. Он объяснил мне, что каждый житель Лондона в среднем за день появляется на пятидесяти камерах слежения и пятнадцати фотографиях туристов, так что все на всякий случай улыбаются. Это позабавило меня.

Считается, что истинного англичанина можно узнать по следующим признакам: чопорности, невозмутимости, высокомерию и странному чувству юмора. Я попросила Джорджа рассказать нам какой-нибудь популярный анекдот.

– В своем доме, в гостиной, развалившись в кресле, сидит англичанин, курит трубку и читает утреннюю Times. Вдруг обваливается стена, и в гостиную, скрипя тормозами, въезжает «бентли», за рулём которого сидит другой англичанин. Первый спокойно переводит на него взгляд, вынимает трубку и спрашивает: «Могу я спросить, куда сэр так торопится?» – «В Манчестер, сэр!» – «В таком случае, сэр, вам ближе было бы через кухню...»

Знаменитая английская невозмутимость в действии! Мне понравилось, и я попросила ещё.

– Идут по лесу двое охотников, и тут один внезапно падает в обморок. Второй видит, что его приятель не дышит и глаза у него остекленели. Тогда он достает мобильник и звонит в больницу: «Слушайте, мой друг умер прямо у меня на глазах! Что мне делать?» Дежурный отвечает: «Ну, для начала убедитесь, что он действительно умер». В трубке – молчание, затем выстрел. Потом охотник снова берет трубку: «Хорошо, что дальше?»

Я рассмеялась. Возможно, это не самый смешной анекдот в моей жизни, но Джордж был превосходным рассказчиком. Экскурсоводом, кстати, он тоже был великолепным. Он поведал нам разные интересные факты из жизни города и его обитателей, комментировал пейзаж за окном, и я слушала, затаив дыхание. Мы проезжали мимо знаменитого музея мадам Тюссо, мимо дома Шерлока Холмса на Бейкер-стрит, миновали Пикадилли и Оксфорд-стрит. Проехали и по знаменитому разводному Тауэрскому мосту, вернулись обратно через Вестминстерский мост и миновали Биг-Бен – потрясающее здание. Я не слишком разбираюсь в архитектуре, но то, что я увидела, ошеломило меня мгновенно. Невероятно красивый, гордый, стройный, величественный, изящный – я влюбилась в него навсегда. Прежде я думала, что Биг-Бен – это часы в башне, но Джордж рассказал нам, что, во-первых, это не просто башня, а часть здания парламента, а во-вторых, это никакие не часы – так называется здоровенный колокол внутри башни.

По Набережной Виктории мы добрались до нашего великолепного отеля «Савой». Я выбрала его из-за прекрасного вида на величественную Темзу и близости к кинотеатру VFI IMAX, где завтра я должна была увидеть Рональда на премьере его нового фильма, нас разделял только мост Ватерлоо. Но, что самое главное, «Савой» имеет славу отеля, в котором запросто можно встретить знаменитостей. Чем чёрт не шутит, может, и Мистер Шелтон остановится здесь перед презентацией...

Распрощавшись с Джорджем лучшими друзьями и не забыв подкрепить нашу начавшуюся дружбу солидными чаевыми, я отправилась заселяться. Денис с багажом семенил сзади. Этот потрясающий отель с величайшей историей изумлял меня с самого начала. К парадным дверям со всех сторон съезжались элегантные джентльмены на «роллс-ройсах». Я увидела даже одного в цилиндре и с тростью. Едва переступив порог, я перенеслась на много десятилетий назад и поймала себя на мысли, что просто млею от ощущения причастности к истории, и чувствовала себя, как в музее.

Этот прекрасно отреставрированный архитектурный памятник поражал своей помпезностью и великолепием, возможно, чрезмерным. Ко мне сразу начали сбегаться услужливые сотрудники, готовые помочь в любом вопросе. В приятной после душных лондонских улиц прохладе холла витал аромат цветов. Стены, обшитые дорогими панелями, украшали картины, мраморный пол сиял, приватный чек-инн в отдельном зале с камином указывал на уважение к каждому гостю и высокий уровень сервиса. Я бронировала люкс с двумя спальнями, с видом на Темзу и на знаменитое колесо обозрения London-eye на противоположном берегу. Нас заселили в очаровательный номер, оформленный в элегантном эдвардианском стиле, светлый, просторный, преисполненный домашнего уюта. Денис, пройдясь по всем комнатам, встал рядом со мной у окна и восхищённо присвистнул, любуясь видами.

– Крутяк! – одобрил он мой выбор и похлопал себя по голодному животу. – Говорят, здесь есть ресторан с мишленовскими звёздами?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.